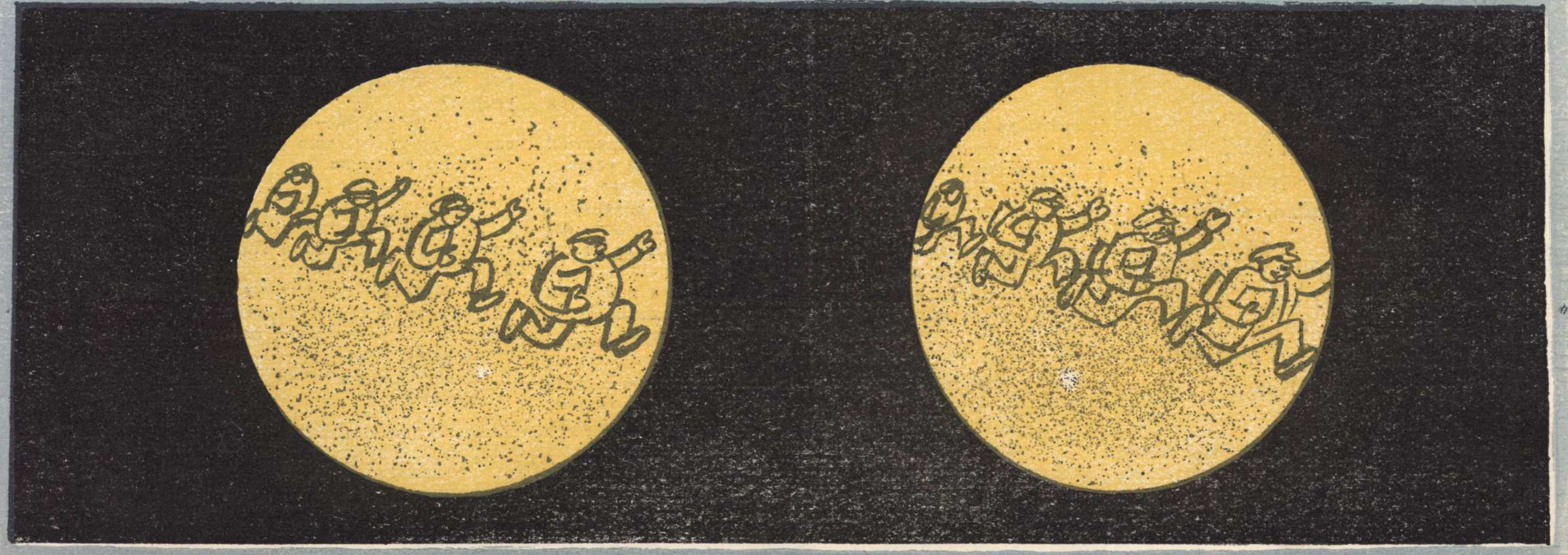
ИЮНЬ 1929 ГОД № 24 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Ошибкой прошлогодней хлебозаготовительной кампании было чрезмерное количество заготовителей конкурировавших между собой.

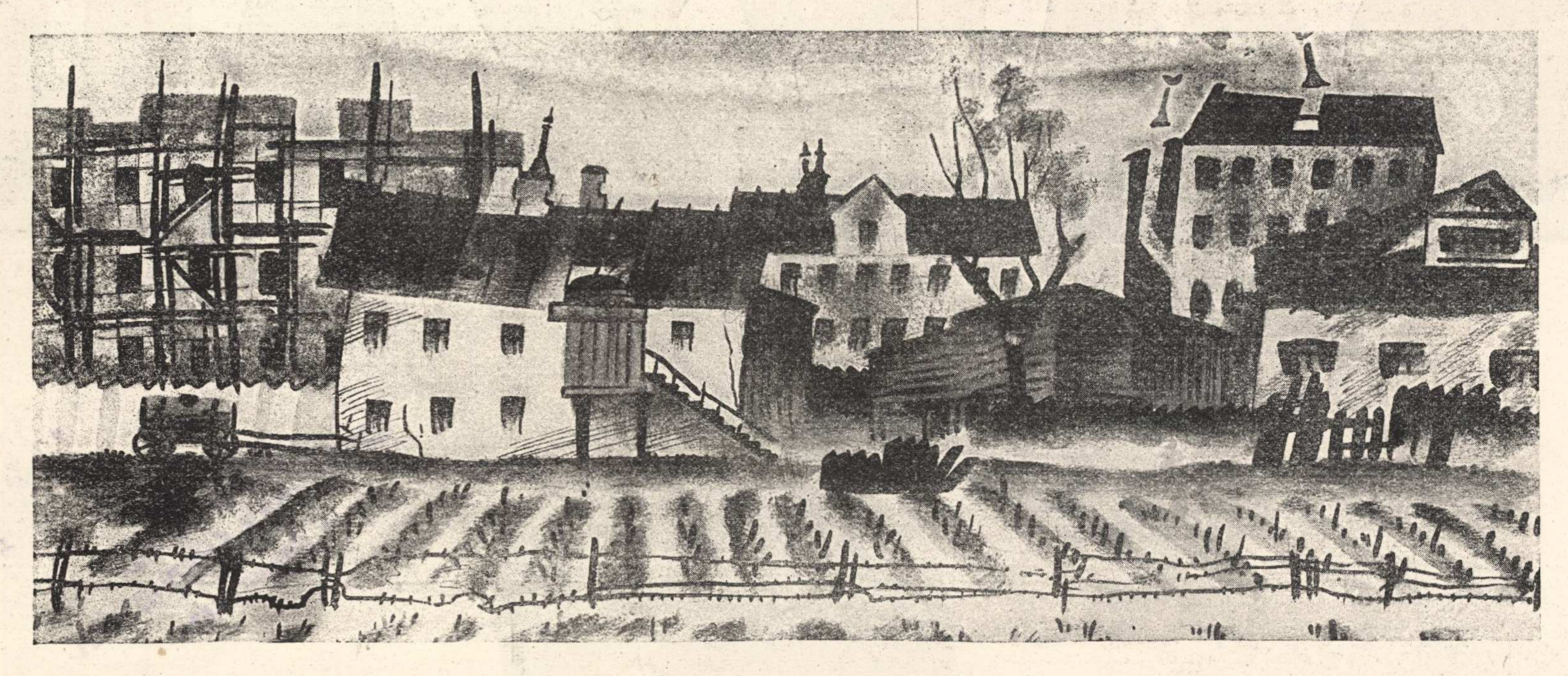
— Батюшки, никак налет!

— Не бойся, мужичок,—это хлебозаготовители.

Рис. Л. Бродаты

Рис. Н. Дормидонтова.

СОЛНЦЕ! МОРЕ! ПЕСОК!

Бросил глупые замашки
И — без брюк, подстать другим.
Будет тело, в честь Семашки,
Смуглым, сочным и тугим!..

Шесть недель торчу на пляже,
На делах поставив крест, —
От бездумной летней блажи
Разбухаю, словно трест.

В чудодейственной палате,
Проявляя пылкий нрав,
В белом докторском халате
Бродит Солнце — Наркомздрав.

В гуще торсов, в массе бюстов,
В толще спин и животов,
Выжимает доктор густо
Пот с людей и со скотов.

Бык-быком, а лень — воловья...
В небеса упершись лбом,
Ясно лозунги здоровья
Вижу в небе голубом.

Ни к чему рассудка роды,
Мозг почти что недвижим:
— А у этой, у природы —
Са-на-тор-ней-ший режим ?!

Пермь, Баку, Чита, Сарепта —
Человечества кусок —
Принимают без рецепта
Солнце, море и песок.

Не бывает в море тесно,
Морю скучно среди дня,
Предлагает море честно:
— Лезьте, граждане, в меня!

— А не влезть-ли? Волны бойки...
Впрочем, к чорту!..
Почему?
Я-то сам живу... на Мойке,
Но душа моя — в Крыму!

Александр Флит

ЖЕРТВА ЗЛЫХ ЛЮДЕЙ

Вам, горемычные жертвы железнодорожных жуликов, я посвящаю этот рассказ.

1.

Нас было двое: я—только что бросивший курить, и некий Егор Палыч, решивший сделаться честным человеком. И вышло так, что обоим нам нужно было куда-то поехать.

— Я поеду вагоном для некурящих,— сказал я,—я соблазнов боюсь. Я только в некурящем вагоне и уберегусь от этого чорта-курева.

— Я тоже поеду в некурящем,—сказал Егор Палыч,—в нем для меня соблазнов больше,—багажа в нем всегда сколько угодно. Вот, я и буду на багаж глядеть и себя закалять против соблазна.

— Опасно,—говорю,—вам ехать. Еще соблазнитесь и опять жуликом станете.

— Нет, я—говорит,—человек твердый. Мне только себя проверить надо, чтобы я за свою твердость себя еще больше начал уважать.

— Ладно,—соглашаюсь,—вам виднее,—да и поехали.

2.

Не проехали мы и трех станций, а я уже затосковал.

— Я,—говорю,—обязательно закурю. Просто умираю от соблазна,—все до одного курят!

— А вы,—советует,—с меня пример берите,—видите,—какой на отшибе замечательный чемоданчик лежит, а я на него и смотреть не хочу.

— Вы,—кисну,—человек сильной воли, а я тряпка. Я, Егор Палыч, закурю!

— Ну, вот что. Надо вас в руки брать. Как вы закурите, так я мигом упру чемодан. Если вам себя не жаль, так меня пожалейте,—дайте мне честным человеком сделаться.

Взял он меня на это: — Ладно, — говорю, — только для вас на такое страдание иду.

3.

Пострадал я часа два, гляжу, — к большой станции подъезжаем.

— Выйдем,—предлагает Егор Палыч,—воздухом подышать.

— Нет,—говорю,—я не пойду. Я как выйду, так и закурю,—это я вот как чувствую.

Услыхали это пассажиры да как навалятся на нас:

— Неужели не уйдете? Ах, как это приятно! Будьте так любезны, посторожите наши вещи.

Побросали на нас вещи и ушли. Глянул я на Егор Палыча, и облилось мое сердце кровью.

— Сочувствую вам, Егор Палыч, страшно сочувствую, но только лучше и вы уйдите от соблазна, а я один постерегу.

— Да,—говорит,—надо уйти. Эдак просто ни за что честным человеком не сделаешься.

4.

И только это отвел он воспаленный взор от чемоданов и к выходу собрался, — глядим, в наш вагон шпана прет. Я-то ее не признал, а Егор Палыч мигом ее раскусил:

— Вы куда, дьяволы, прете? Кто вас сюда пустил?

Да и они его признали:

— А,—говорят,—Егор Палыч, здрасте! А вы что же, разве карьеру переменили?

— Да, переменил, а вы все марш из вагона! Ну, живо!

Взмолились.

— Егор Палыч! Не пивши, не евши! Будьте снисходительны, позвольте хоть один чемоданчик унесть. Пожалейте нашу жизнь каторжную.

Вижу,—жалко Егор Палычу их стало.

— Ладно,—говорит,—пес с вами, берите вот этот крайний, — очень уж он соблазнительно лежит. И мне без него спокойней будет.

— Спасибо,—говорят,—старый товарищ! Не забудем мы твоего великодушия.

И ушли с чемоданчиком.

5.

Тронулся поезд, хватился один пассажир.

— Ах, говорит, — ах, чемодан сперли! Ах, ах, ах!

— А что, — поинтересовался Егор Палыч,— не серый ли?

—Серый!—говорит,—серый!

— Ну, так его унесли.

— Как же вы допустили?—стонет.

— А я почем знал, что он ваш? Жулик,— говорит,—был лучше вас одет.

— Да знал бы я,—орет,—я бы в этот чортов буфет и носу не совал бы! Ах, ах, ах!

И главное, в таком горе никто ему не сочувствует.

— Что-ж, — зазевали пассажиры,—на то он и поезд, чтобы в нем крали. Дело,—говорят,— житейское.

6.

А к ночи Егор Палыч прямо затосковал.

— Разве же это освещение?—ныл он, смотря с ненавистью на стеариновый огрызок, — да в такой темноте честный человек и тот к соседу в карман полезет! А они еще спать ложатся!

Вижу я, — до того нехорошо человеку, что хоть гроб ему заказывай. Надо, думаю, выручать страдальца.

— Вот что,—говорю, — граждане-пассажиры, время ночное, освещение аховое, надо одним глазом спать, а другим вещи сторожить. А то вот, за что-про что у пассажира чемоданчик уперли?

— И не спали,—отвечают,—уперли, и будем спать—упрут. Лучше уж спать.

Легли и уснули.

7.

А перед большой станцией просыпаюсь от толчка. Гляжу, — Егор Палыч,—бледный такой и дрожит.

— Курить,—говорит,—хотите? Если хотите, так курите, я вас от слова освобождаю. А мне некогда! Погубили меня, сироту, злые люди!

И ушел.
С двумя чемоданами
Чужими.

Евграф Дольский

ВАРИАНТЫ РУССКИХ ПЕСЕН

(Мой вклад в сокровищницу русской песенности)

Тьма магазинов Госспирта имеется,
В очередь встал весь без...винный народ...
«Полно, брат молодец, ты ведь не девица,
Пей—тоска пройдет»

Куда ни глянь, везде пивные,
И из них пьяном-пьяны
«Выплывают расписные
«*Стеньки-Разина* челны».

В Губсуде ни минуты свободной,
Дел растратных растут штабеля.
«Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля»...

Ограбили поезд (о, боги!)
Бандиты в ночной темноте—
«По старой калужской дороге,
На 49-ой версте»...

Тресты скачут, как воробушки,
А торгаш валит с плеча:
«Ой, полным-полна коробушка,
Есть и ситец, и парча»...

Конст. Шелонский

РЕТИВЫЙ

(Пусть фантазия)

Участковый милиционер Петров приехал в дер. Гореву, Бейского района, стал среди улицы и с наганом в руках спрашивает у прохожих задолженность. (Из газет).

Судебный исполнитель Перегрузкин поглядел на кучу исполнительных листов и глубоко вздохнул: приходилось ехать в разные концы города: там описать имущество неплательщика, там продать с аукциона, а в третьем месте получить перед самым аукционом деньги...

— А ну их к . . . — выругался Перегрузкин, забрал портфель, сунув в него всю кучу исполнительных листов, взял в руки револьвер и, выйдя на улицу, остановил, угрожая им, все движение.

— Кто здесь, граждане, — крикнул он, когда приостановилось все движение: и пешее, и коннсе, и автомобильное, и трамвайнсе, — Петр Будочкин?

Из прицепки к вагону маршрута 7 вышел старичок с трясущимися кверху поднятыми руками и подгибающимися коленками.

— Я П-петр Будоч-ки-ин. Ни в чем не виноват.

— Опустите руки! Признаете долг Иванову в семь рублей восемьдесят восемь копеек за сапоги?

Старичок замахал руками:

— Это не я! Иванова не знаю, сапог не брал... ни-ни...

Перегрузкин заглянул в лист и строго спросил:

— Петр Иванович Будочкин, проживающий по ул. Восстания, 149?

— Да нет же! — радостно воскликнул старичок — Я—Петр Петрович с Крюкова канала, 176.

— Ступайте в вагон!

Старичок снял шапку, низко поклонился, пробормотал: «Покорнейше благодарю», но, отойдя несколько шагов, стал что-то ворчать пропорядки.

— Антонов, Иван Никифорович, Казначейская, 17 — имеется такая личность?

С извозчика мешком скатился кругленький человек и, вынимая бумажник, спросил:

— 120 рублей по исполнитлисту Вахрамеева?

— Правильно.

— Получите денежки! Прошу квитанцию.

Хотя стоя и неудобно было, но Перегрузкин выполнил все формальности.

— Можете итти... Канарейкин! Ласточкин! Дементьев! Сидоров! Вахрамеев 2-ой! Кулебякин! Адамова!

— Давай! — крикнул он, махнув рукой вагоновожатым, извозчикам и всем остановившимся.

Движение возобновилось.

Когда хлынула новая волна движения и с нею состав проезжих и прохожих обновился, Перегрузкин снова остановил движение:

— Гражданин Канарейкин!

Небольшого роста гражданин хотел юркнуть в вагон трамвая, даже занес уже левую ногу на площадку, но Перегрузкин заметил, уцепился за его правую ногу и стащил на мостовую.

— Будете платить? грозно спросил он.—Или я сейчас опишу ваше пальто.

— Описывайте, если имеете право описать норму, — уныло сказал Канарейкин.

— Знает инструкцию, дьявол шароглазый...— пробормотал Перегрузкин, выпустил Канарейкина и крикнул:

— Адамова!

Адамова, увидев наведенный на нее Перегрузкиным револьвер, страшно перепугалась и тут-же разрешилась прекрасным младенцем мужского пола, в три с половиной тысячи грамм.

— Я вынужден описать вашего младенца за долг ваш Ленинградодежде в сумме 57 р. 22 коп.

У Адамовой началась родильная горячка, но Перегрузкин перешнуровал ребенка, привесил круглую сургучную печать и сдал ребенка под расписку милиционеру на хранение.

Гр. Абрамову убрала карета скорой помощи.

«Один иск обеспечен»,—радостно подумал Перегрузкин.

— Ласточкин! Имеется такая личность в толпе?—снова крикнул он.

— Имеется,—бледнея, сказал человек, по виду свободной профессии.

— Вот-с семнадцать исполнительных листов на присужденные ко взысканию с вас 1.808 рублей в месяц за алименты.

Крупные капли холодного пота сорвались со лба Ласточкина и, скопившись у ног его, бурным потоком понеслись к ренштоку.

— Платить не могу, — пробормотал он, едва ворочая, от сдавившей горло спазмы, языком, — пришлите их ко мне, буду кормить со своего стола... Сколько их?

— Четырнадцать мальчиков и дюжина девочек.

Ласточкин автоматически сошел с ума.

— Пропали алименты,— вздохнув, сказал Перегрузкин и дал Ласточкину тумаком в спину направление от себя. — Дементьев, сюда, если здесь! Нету? Сидоров! Сидоров, будете платить?

— Нет, и не думаю!—нагло усмехнулся Сидоров.

— Почему?

— Мыслей таких не имею!

— Вы что-же—злостный неплательщик?

— Именно-с!—радостно воскликнул Сидоров.

— Я вас опишу... Лист на 20 рублей.

— Любопытно! Если найдете описуемое — приведете меня в неописуемый восторг,—сказал Сидоров и взлился смехом.

Перегрузкин навел револьвер на грудь Сидорова.

— А револьверчик заряжен?—осведомился Сидоров.

— Целая обойма.

— Если, действительно, заряжен—моментально внесу денежки.

— Так-то лучше будет!—самодовольно усмехнулся Перегрузкин.

— Разрешите проверить револьверчик,—сказал Сидоров, беря из рук Перегрузкина револьвер, и, взяв его, продолжал:—будьте добры дать мне сдачи со 120 рублей...

— Вы с ума сошли, Сидоров! Какую сдачу?

Сидоров навел револьвер на грудь Перегрузкина и сказал:

— Не валяйте дурака, гражданин! Вы только что получили 120 рублей по исполнитлисту Вахрамеева от Ивана Никифоровича Антонова, я же видел... Ну, живей! 20 рублей оставьте за долг Сидорова, сто же рубликов гоните немедленно... А, впрочем, гоните все 120: с какой стати я буду платить, когда, во первых, я не тот Сидоров, во вторых я вовсе не Сидоров... Ну, живо, гоните!

Трясущимися руками погнал Перегрузкин все 120 рублей.

Когда Перегрузкин пошел домой, сопровождаемый злорадным смехом Канарейкина, Будочкина, Вахрамеева 2-го, Антонова и прочих, движение на улице восстановилось автоматически.

Исидор Гуревич

МОДНОЕ

Рис. Б. Малаховского.

Свертывание самого элементарного аппарата

РАССЕЯ

I.

Из монгольских глубоких гробниц
Добывались ученым взволнованным,
Вековой красотой околдованным,
Ткани древних царей и цариц.

Допотопным любуясь чудовищем
На шелку драгоценных ковров,
На колени он пасть был готов
Пред единственным в мире сокровищем.

Утушая сверкающий взгляд,
Паковал он руками умелыми,—
Каждый ящик неделями целыми,—
Чтоб довезть целиком в Ленинград!

II.

В Ленинграде ткани—
В прачешной лохани;
В мыльные лохани—
Бух за тюком тюк!

Прачки удалые
Шпарят—не впервые!
Ткани вековые
Жаркий жжет утюг...

III.

В Институте археологической технологии были оглашены результаты предварительного обследования монгольских тканей, найденных экспедицией П. К. Козлова.

На образцах шелковой ткани имеются следы горячего утюга, вследствие чего получились изменение цвета, несвойственный ткани блеск и несомненное разрушение волокон самой ткани. На некоторых кусках можно наблюдать даже следы сжигания тканей.

В качестве «вещественных доказательств», на заседании были продемонстрированы образцы «чищенных» тканей. Ткань мыли в воде, затем отжигали, перекручивая ее, вследствии чего краска стекала и дала подтеки.

Заседание признало, что очистка монгольских тканей из раскопок П. К. Козлова произведена безусловно неудовлетворительно.

IV.

Тула, Тула, Тула я,
Тула—родина моя;
Ой, дербень, дербень Калуга,
Всероссийского округа!!!

В. Князев

„ЛЮБОВЬ СОЗНАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА“

(Схематическая драма в 4-х частях)

ДЕЙСТВИЕ. НА ПУТЯХ К УСТАНОВЛЕНИЮ СОГЛАСОВАННОСТИ.

Она. Вчера был ужасный ветер.

Он. М-да. В общем и целом, погода невыявленного характера. Я целиком и полностью горячо протестую против гнусных выпадов ветра. Но, безусловно, революционная летняя волна победит весенние мелкобуржуазные шатания.

II ДЕЙСТВИЕ. КУРС НА УГЛУБЛЕНИЕ ИЛИ АНКЕТА.

Она. Расскажите мне что-нибудь из вашей жизни.

Он. Я родился в 1905-м году и проявил в первом же году максимум классового самосознания. Я протестовал против Виттевской конституции, понимая всю гнусность тактики царизма в блоке с буржуазией. После 5-го года у меня наблюдался бурный количественный рост. С 8 лет началась усиленная внутривоспитательная работа, углублявшаяся до 12 лет, когда я встал на путь революционной борьбы. Я объявлял голодовки и бил из протеста стекла. Но этот период носил яр о анархо-синдикалистский уклон. С 16 лет я окончательно оформил и идеологически укрепил свою революционную платформу.

Она. Как рано!

Он. И теперь, будучи секретарем ячейки Мопр и борясь с растратами, я твердо стою на страже помощи революционерам.

Она. Ах...

III ДЕЙСТВИЕ. НАДСТРОЙКА И БАЗИС.

Он. Конечно, ребенок синтез тезиса и антитезиса, но ты всмотрись в общехозяйственную конъюнктуру и в наш местный бюджет. Мы не Морганы и Рокфеллеры или вообще какие нибудь финансовые капиталисты последней стадии капитализма. Нужно ликвидировать всякие возможности к хозяйственному обрастанию.

Она. Но, ведь, ребенок.

Он. Эх, отстань. У тебя нет монолитной идеологии!

Л. Я. Бе—р

ЗАКАЗ

— Это магазин пособий для вузовцев?

— Да!

— Так дайте мне восьмушку чайной колбасы.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ

Судья накладывает резолюцию о предварительном взыскании с потерпевших судебного гербового сбора.

(А. Зорич. „Кр. Газ.“)

У Ермила
Кум Вавила
Сжег по насердке сарай.
И пошел к судье Ермила:
«Дескать, дело разбирай!»
Но покуда
Суд да
Дело,—
Уплатил Ермила сбор.
— Эк, судьба его поддела,—
Шел в деревне разговор.
Наш Ермила чуть не плачет:
— Расскажи, честной народ,
Это значит...
Это значит—
Разорюсь я через год?
Что-ж, не пивши и не евши,
Все плати, ночей не спи?...
— Раз уж, братец, потерпевший,
И в суде, брат, потерпи!

Яков Годин

НА СКОРУЮ РУКУ

Рис Н. Радлова

Сейчас во всех ЗАГС'ах очередь на регистрацию браков. У столов заведывающих тянутся очереди женихов и невест. (Из газет)

— Гражданин! Может, вы меня зарегистрируете вне очереди, а то я уже с невестой ругаться начал!

Рис. В. Лебедева

„ПОСТРАДАВШИЙ"

— И я тоже пострадал за партию. За биллиардную. Чужого шара к себе переложил. Три кия об мою башку переломили...

РАССКАЗ СТАРОГО СЛУЖАКИ

Рис. Н. Радлова

Приказом Реввоенсовата В. Е. Мейерхольд утверждается в звании почетного красноармейца Отдельного Московского Стрелкового полка.

— Да, милые вы мои, всякое бывало!.. Помню, залегли мы в „Лесу“. А кругом от стрельбы—„Земля дыбом“ становится. А наш взводный командер—такой „Великодушный рогоносец“—говорит мне:—„Даешь Европу!“—и в руку мне—полный „Мандат“. Ну, конечно, я рад стараться. Как встану, как крикну: „Рычи, Китай!“... Да, милые! Всякое бывало...

ЖИВ КУРИЛКА!

Рис. А. Радакова

Хозяйственникам-головотяпам — с остервенением посвящается.

Товарищ Плюшкин: Скрипит машинка? И ничего. И пусть скрипит. От скрипа не станется. А маслице берегите. Маслице денег стоит. Оно и на другое что пригодиться может — маслице-то...

РОКОВЫЕ ПРИМЕТЫ

Мне приснились вчера
Вши:
Ожидают с утра
Барыши.

Но попал утром в чай
«Пруссак» —
Видно, ждет невзначай
Просак.

Пересек путь рабу
Кот! —
От предчувствий на лбу
Пот...

Прет навстречу смеясь
Поп.
Я споткнулся и в грязь—
Хлоп!

Поднял вежливо добрый
Брюнет...
Целы ребра,
А денег нет.

Мих. Андреев

СРЕДИ ЧАСТНИКОВ

Рис. Б. Малаховского

— Что это у вас на вывеске: „Существует с 1925 года“?

— А как же: за эти годы сколько народу прогорело, а мы уж вот год крепимся!..

СЖАТИЕ

— Хорошо! Откажемся от особняка. Пусть будет отдельная квартира в 12 комнат, — после короткого раздумья согласился с женой Малявкин.

— В таком случае и штат прислуги можно значительно сократить, — сказала Малявкина. — Сорок человек! — это с ума можно сойти! Если мы ограничиваемся квартирой в двенадцать комнат, достаточно двух горничных и кухарки...

— Повара,—поправил Малявкин.

— Нет, уволь, пожалуйста! Повара ужасно требовательны. И что ты имеешь против кухарки?

— Кухарка готовит хуже повара—это аксиома.

— Зато повар требует больше жалования.

Малявкин пожал плечами:

— Подумаешь! Из-за каких-нибудь десяти-двадцати лишних рублей обрекать себя на худший стол! Впрочем, кухня — это твоя область. Делай, как знаешь. Но вот еще один вопрос: зачем нам две горничных? Ты видишь, я заразился твоей манией экономить!

— Но, Коля, двенадцать комнат! Прибрать двенадцать комнат—это не шутка. В одних коврах сколько пыли набирается!

— Сбрось со счетов мой кабинет. Я не позволю производить в нем эту вашу дурацкую уборку. Терпеть не могу, когда трогают мои вещи.

— К твоему письменному столу никто не прикоснется. Но, Коля, зачем тебе паутина в углах и слой пыли на диване?

— Знаю, милочка! У вас всегда так: начнется с паутины, а кончится тем, что и стол приведете в такой идиотский порядок, в котором пропадешь! Две недели будешь искать нужную бумагу, а она окажется на двадцатой полке, среди книг в шкафу! Порядочек!

— Все мужчины на один покрой!—снисходительно улыбнулась Малявкина.

— Да уж, милочка! Цари в своих одиннадцати комнатах, а мой кабинет оставь для меня! Это—непременное условие.

Малявкина наморщила брови, сосредоточенно соображая.

— Знаешь, Коля, — сказала она,—я начинаю думать, что двенадцать комнат—многовато. Гостиная—раз. Столовая — два. Твой кабинет—три. Наша спальня—четыре. Детская—пять. Вот и все. Получается квартира в пять комнат вместо двенадцати.

— Все? А комната для няни? А комната для бонны?

— Но, Коля, о бонне еще рано говорить. Бонна ведь не сразу... А няня может помещаться вместе с детьми: трое в одной комнате.

— Пятеро,—поправил Малявкин.

— Как так пятеро? Няня плюс двое ребят.

— Позволь, милая! Ведь я, кажется, говорил: четверо ребят. Я называл эту цыфру? И я не соглашусь, чтобы четверо моих детей были запиханы в одну комнату.

— Количка, это много: четверо. Сожмемся до двоих, а? Не будем расточительны.

Малявкин снова пожал плечами:

— Подумаешь! Спорить из-за каких-нибудь двух лишних ребят! Как это по-женски!

— Да, но если я не знаю как справлюсь и с двумя первыми!.. Прошу тебя, Коля, уступи!

Малявкин упрямо барабанил по ящику.

— Я, кажется, и так уступил во многом. Нельзя же милая, во имя режима экономии, сжаться в плюшку! Особняк — слишком жирно? Ладно: я пожертвовал особняком ради двенадцатикомнатной квартиры. Я согласился и на замену повара кухаркой, хотя в глубине души остаюсь при своем мнении относительно кулинарного превосходства поваров над кухарками. Ты не можешь сказать, чтобы я был несговорчив. Я готов и на дальнейшее сжатие. Но в вопросе детском, но насчет наших славных ребятишек—я буду тверд. Четыре—и ни штукой меньше. Позволь мне хоть эту роскошь — выращивать цветы жизни в угодном мне количестве, не считаясь с жесткими рамками экономии!

Он резким пинком оттолкнул ящик и сердито зашагал по комнате.

Малявкина кротко сказала:

— Я боюсь, что ты хочешь сразу получить от меня целую цветочную оранжерею!

— До чего это по-женски!—воскликнул Малявкин.—Во-первых—не оранжерею, а небольшой букет. Во-вторых, не сразу, а в рассрочку. На четыре года. В-третьих...

Он взглянул на чайник, шипевший на примусе:

— В-третьих, вода вскипела. Потрудитесь, графиня, на время оставить столь серьезные вопросы и перейти к заварке чая!

— Слушаю, граф!

* * *

Теперь представьте себе, читатель, что вы оказались в положении зрителей—смотревших кино-картину с середины.

И вы недоумеваете: в чем дело? Почему эти люди так легко соглашаются на жесткий режим экономии? Да и существуют ли вообще такие достойные похвалы граждане?

Вам необходимо проглядеть начало картины.

Начало такое:

В небольшой комнатушке (2 × 3 аршина), скромно обставленной ящиком из-под стекла и одним стулом, сидели молодожены Малявкины. На окне шумел примус.

— Если бы, чорт дери, разбогатеть!—мечтательно сказал Малявкин. — Представь себе, что мы богаты. Живем в особняке... Двадцать комнат. Сорок человек прислуги. Шикарный автомобиль...

— Не находишь ли ты, что особняк и автомобиль по нынешним временам—слишком жирно?

Дальнейшее вы уже видели. Вы можете подняться с мест и итти к выходу, наступая на ноги соседей и унося в душе убеждение:

— Да! Действительно существуют люди, охотно идущие на ограничения. Это—те, кому нечего терять, кроме воздушных замков, и кому ничего не приобрести с такою легкостью, как пару-другую ребят.

Ив. Прутков

МАЛЬЧЕНОЧКА

Заливается мальченочка
У «пивнушки» за мостом,
Так похожий на котеночка
И с придавленным хвостом.

Кто-то, «выпивши», о лесенку
Спотыкнулся невзначай,
Поглазел, послушал песенку...
— На, «Шаляпин», получай!..

Что за песня несуразная,
Даже слов не разобрать!
А едали тупая, грязная,
Как волчиха смотрит мать...

Мать — не мать, — «мадам»
с окраины,
Где мальченочке — приют.
«Беспризорный», «неприкаянный». —
Пожалеют — подадут...

Не дают. Погода хмурая.
Мокнет, мокнет от дождя
Головенка белокурая...
И, немного погодя,

Подошла «мадам» тихонечько,
Ухо дернула щипком,
Чтобы пел погромче Ленечка
«Беспризорным» голоском.

Дмитрий Цензор

„КИРПИЧИКИ“

— Я больше не могу! Сопьюсь, совершу растрату. Может — убью...

Иван Андреевич сжал голову руками.

— Ты, друг мой, преувеличиваешь,— сказал спокойно Николай Петрович.

— Нет! Ты пойми. Я встаю с постели — „Кирпичики“, прихожу со службы — то же. Пью чай, обедаю, сплю — все под „Кирпичики“. И под какие еще, заметь!

Он положил руку на плечо гостя:

— Знаешь. Если бы я имел власть, я изолировал бы музыкантов такого сорта, как мой ужасный сосед. Не смейся! Именно — в изолятор! Да! В особую колонию. Да, да, да! Ведь нельзя же! Почему я должен есть, спать, думать, вообще — жить под „Кирпичики“? Ты пойми!

Он не докончил. Из-за стены донесся скрипящий звук, сначала тихий, но потом сразу перешедший в смелое, но фальшивое нытье. Ему вторило тоже смелое, но беззастенчиво - фальшивое пение.

— Началось! — лязгнул зубами Иван Андреевич.

Скрипение и пение продолжалось.

Иван Андреевич бегал из угла в угол, крепко зажав уши.

Николай Петрович сначала смотрел на него улыбаясь, потом стал беспокойно шевелиться на стуле, улыбка сползла с лица.

Когда же музыка и пение прекратились — он облегченно вздохнул и вытер пот с лица прямо ладонью.

Но за стеной опять скрипнуло и запело:

„Вот за эти-то, за кирпичики“...

Иван Андреевич погрозил в стену и прошипел:

— За эти за кирпичики я тебя, мерзавца, расстрелял бы!.. У, палач!

А Николай Петрович поспешно поднялся со стула, сказал устало:

— Я не могу... Прощай!

Иван Андреевич вышел вместе с ним. Шел, как слепой, натыкаясь на встречных и бормотал:

— Подлец! Заплатил за скрипку четыреста рублей, а играет на ней, как на барабане.

Николай Петрович вдруг схватил его за рукав.

— Стой! Я знаю выход! Избавлю тебя. Нет! Нет! Секрет пока! Идем.

В буфетном зале клуба „Дохлая Кошка“ Николай Петрович громко говорил, подмигивая:

— Значит. 4.000 твой сосед заплатил за скрипку, а? 4.000? Да? Интересно послушать. Адрес-то дай. Ул. 3-го Июля, 55? А квартира?

Записывал адрес, несколько раз громко повторяя.

За соседним столом сидела группа молодых людей и тоже что-то записывала.

Потом один из них обратился к Николаю Петровичу:

— Извиняюсь, гражданин. Неужто есть скрипки по четыре косых? Ишь ты! Антиресно. А может, ваш скрипач-то филонит, виноват — треплется, а?

Но молодого человека дернул кто-то за полу пиджака.

Через день Иван Андреевич читал в газетах о краже скрипки у соседа.

Несколько дней он чувствовал себя как на лучшем курорте, даже пополнел.

Но, в конце недели, как-то придя со службы, услыхал знакомые ненавистные звуки.

Скрипела за стеною скрипка, фальшивил голос:

„За веселый нрав, за кирпичики“...

В тот же вечер Иван Андреевич, пьяный, в „Баре“ бросал пивные бутылки в оркестр, исполнявший „Кирпичики“.

Василий Андреев

АНТИВОЛОКИТНОЕ

— У нас в тресте никто без дела не сидит!

— Это хорошо! А как это достигнуто?

— Очень просто! Всех за дело посадили!

ОБ ОТНОШЕНИЯХ

Людские отношения — неразгаданный мрак.
— Отчего люди спорят? Отчего раздражаются?
Иному деликатно скажешь: дурак!
А он на тебя обижается.

М. Тименс

ВСЕ В ПРОШЛОМ

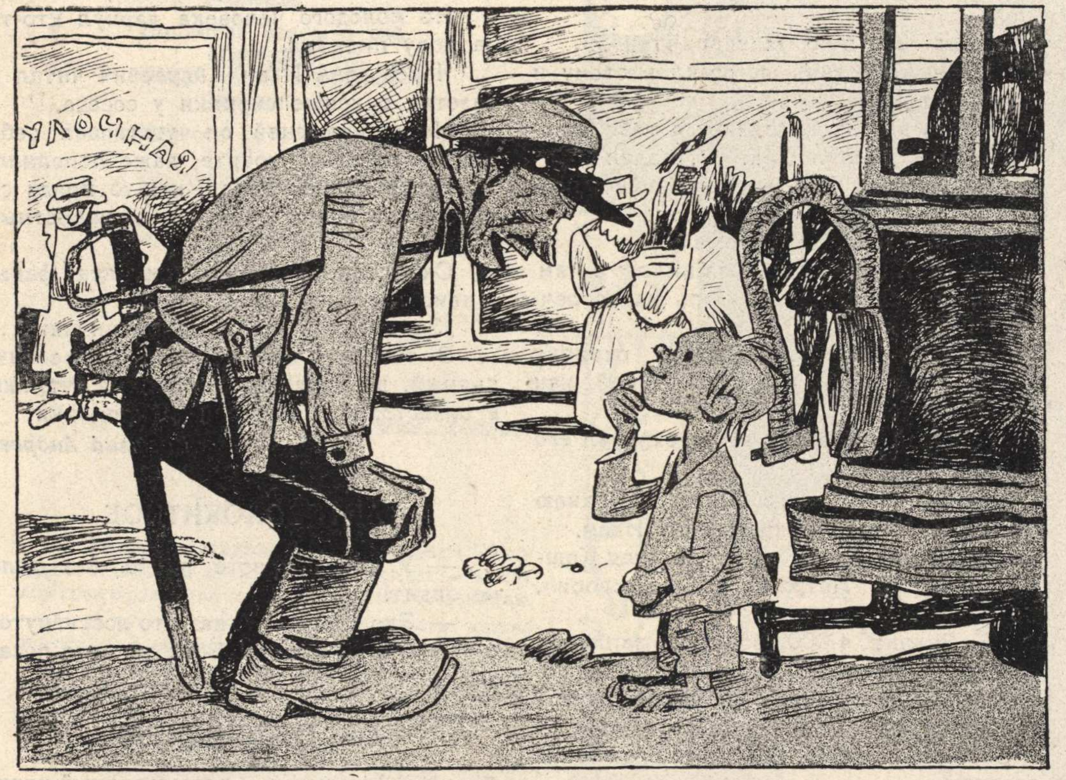
Рис. Б. Малаховского

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ РАЗВАЛИНЫ

СПОРТСМЕН

Рис. Б. Антоновского

— Ты что ж это, поганец, на трамвайной колбасе ездишь?!
— Я, дяденька милиционер, это так, а то ведь мне и пяти лет нету: я и в самом трамвае даром проехать мог бы!

О ЛИМОНАХ, О СЕВЕРОЛЕСЕ И О ЛЮБЕЗНОСТИ МОСКВИЧЕЙ

Сначала — о лимонах. При ликвидации торгового отдела Кур. Управления, Курортн. Управлению были переданы склады оставшихся товаров. В частности, в Сочи.

> На складе лежало 130 лимонов. Когда они стали портиться, их продали по 7 к. штука, вместо 13 к. Всего за них выручили 8 р. 80 к. Стали подводить под эту продажу «юрид. обоснование» и оформлять сделку документально. За эту «обстановку» участники лимонного дела получили по 40 рублей.

Не установлено, к сожалению, *сколько* участников лимонной операции получило *по 40 рублей*. Может — двое, может — полтора десятка. Во всяком случае — даже *из выжатого лимона можно выжать немалые деньги*. Надо только уметь быть рачительным и экономным хозяином.

В частности, надо знать, где можно стать на дыбы. Например: —

> Северолес в целях экономии средств отказался платить долг по рабкредиту одному из кооперативов в сумме 700 р. Дело пошло в суд и слушалось 9 раз, при чем Северолес каждый раз оплачивал 5 проц. общих расходов да посылал своего юрисконсульта—а дело в результате проиграл.

А что с Северолеса возьмешь, когда там — одни дубы да стоеросы?!

Рабкредит в Северолес не убежит. Рабкредит подождать может.

А есть расходы поважней. Неотложные расходы. Например: —

> Правление московского хлопчатобумажного треста пригласило к себе на работу из Каширстроя инженера Шанггай, которому для приобретения квартиры правление согласилось выдать 6 т. руб. Впоследствии ему было выдано только 4 тыс. р., с условием погасить эту сумму ежемесячным вычетом из жалованья по 75 руб., для чего потребовалось бы $4^1/_2$ года.

Трудно найти хорошую квартиру в Москве, еще труднее въехать в нее, и совсем невозможно убедить хозяйственных дураков, что они — дураки.

Разве только Феликс Эдмундович Дзержинский убедит и научит...

На том и стоим.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ

В Выксунском уезде, Нижегородской губернии прививается новый обычай „церковно-советских" похорон. Своеобразная помесь „Упокой господи" с „Вы жертвою пали". По сообщению корреспондента „Наш. Коммуны":

> Это была совершенно исключительная картина
>
> Когда умер педагог Борзов, то вокруг его бренных останков поднялись бесконечные дебаты. Сослуживцы разбились на две группы. Одни пытались доказать, что если педагога Борзова схоронить без батюшки, то «душенька» умершего вечно будет мытарствовать, не находя себе покоя.
>
> Сторонники гражданских похорон поднимали на смех ревнителей поповского отпевания.
>
> Покойник терпеть не мог шаманства рясофорных людей.. Обязательно по-граждански, с музыкой и все прочее...
>
> Договориться не удалось. Хоронили обоими способами.
>
> — «Надгробное рыдание»... заливисто гнусавил батюшка, а сзади оркестр духовой музыки рвал пространство раскатистым уханьем басов волторн:
>
> — «Вы жертвою пали в борьбе роковой»...
> — «Иде же несть бо-олезни, печали и воздыхания»..
> — «Вы жертвою па-али в борьбе роковой»..

Так мирно заканчивается борьба с религиозными предрассудками на селе: с одной стороны—борьба, а с другой—предрассудки.

КРЕПОСТЬ СЕМЕЙНОГО ОЧАГА

Задавались-ли вы когда-нибудь вопросом,—какова крепость семейного очага вообще и селянского брака в частности?

А вот какая: (по газете „Коммунист", № 1)

> Я, гражданка Пистимия Симеоновна Окопна продаю своего мужа Кириона за бутылку водки Марфі Озирні. При том було присутствующие люди всех 5 человек. Я росписуюсь: Пистимия Окопна, подписали: за Терентия Дунька Сухина, М. Жрик, Белун В., Белун Н., Окопный Кирион.
>
> Я гр. Гриша Семеренко даю настоящую расписку от себя в том, что я, Гриша Семеренко, продаю свою жену Домну за две пигоци водки товарищу Никите Невеличке в чем и росписуються Семеренко и свидетели такие: Филипп Шуляк и также росписуються Никита Невеличка и свидетели Бабий Гордий, А. Копреногий и в чем удостоверяеться. Саб. рада, Федор Брідский, член сельрады.

Все честь честью: подпись, печать, свидетели, власти.

И крепость брака легко и просто поддается измерению: с октября 1926 года крепость хлебного вина установлена в 40°; на самогон декрет наркомфина не распространяется.

Вот и все.

ВНИМАНИЮ БРАТЬЕВ НОБЕЛЬ

Вы, наверное, думаете, читатели, что братья Нобель, короли нефти и мазута, девятый год как покинули пределы неблагодарного отечества и удрали за границу?

Отнюдь! Они здравствуют и поныне в Ленинграде.

Доказательством тому служит нижеследующее письмо, напечатанное в „Известиях ЦИК":

> «В правление товарищества братьев Нобель.
>
> Прошу правление обратить внимание на служащего склада, уволенного по сокращению штата со склада «Волкого Поле», в Петроградe, с обещанием в будущем принять на дело.
>
> Со времени увольнения в 1918 году я мучился соединениями и ненормальностью жизни, не имея средств к жизни (денег), и тяжелого положения, находясь без должности и имея на своем попечении мать и сестру. В настоящее время меня постигло несчастье в виду отъезда сестры из дому, временно оставленной у родственницы, без моего позволения.
>
> Обращаюсь и ходатайствую перед правлением оказать мне содействие и прошу обратить внимание юридический отдел правления. Вместе с тем сообщаю о поднятии мною в губернском суде деле о подозреваемых в моей жизни шайке негодяев.
>
> Сообщаю, что мною поданы прошения: в ленинградский народный губернский суд (окружный), хозяину нефтяной фирмы и директору правления товарищества Нобель, Эммануилу Людвиговичу Нобель, в Народный Комиссариат Финансов (министерство) и в местный отдел социального обеспечения в Новгороде.
>
> О поданном обращении прошу доложить директорам правления и желательно самим братьям Нобель.
>
> 23 февраля 1926 года. *Флиманков*».

Министерство и Соцстрах, Ленинград и Петроград. Окружный суд и народный суд. Сокращение штатов и братья Нобель... Бедный Флиманков! Сварились его честные мозги в смятку, и потерял человек стержень свой.

Директорам нефтеторга еще туда-сюда доложат, но как доложить братьям Нобель? Ищи ветра в поле!

Уважаемые братья! Ау?!

ЕПИФАН

Где-то, около Самары, в девятнадцатом году Епифашка, сын Варвары, ухнул с крыши на-ходу.

Ночью темной дело было: мать спала, сосед дремал. Утром в голос баба выла:

— Мальчик с поезда пропал!

Где-ж искать в пути-дороге! Нет—и кончен разговор. Только стал у бабы строгий, строже вдвое тусклый взор.

А недавно (в 25-ом), как-то под-вечер зимой, парнем тощим и кудлатым Епифан пришел домой. Епифан подрос за годы: на губе чернеет пух... Только вышел парень—лодырь: в полном смысле—ловит мух!

Выпить, верно, может крепко, тут сам чорт ему не брат: на затылок сдвинет кепку, материт из мата в мат.

Мать к нему сперва с укором—он твердит на все лады:

— Я, мамаша, стал селькором и останусь навсегды!

— Где-ж селькор—с такою харей! Каждый день в дому кабак!

— Я, мамаша, про-ле-та-рий, растакую вашу так!!!

Где его таскали черти, что он делал за шесть лет— только, верьте иль не верьте, Епифан пролез в совет.

Как начнет, бывало, хвастать, аж слюна идет вожжей:

— Захочу—черкну и баста! Закачаетесь ужо!

А на днях в одной газетке появились, как на зло, две малюсеньких заметки про Епишкино село.

Кто писал, село не знало, но заметка „Епифан“ толков вызвала немало у крестьянок и крестьян.

Только наш герой Епишка был недвижен, словно дуб: заложив в нутро винишка, спал, укутавшись в тулуп. Вдруг стучат. Влетел Евсеич; задохнулся впопыхах.

— Епифаша! Тимофеич! Да вставай, собачий прах! Ну, поддели черти метко: не заметка—купорос!

И сует старик заметку Епифану прямо в нос:

— Кто писал?

Зевнул Епишка:

— Кто? Дурак! Конешно, я. Без меня крестьянству крышка! Я-ста... Мы-ста... да меня...

И пошел Епишка хвастать, чуб кудлатый теребя. Заморгал Евсеич часто:

— Дурень! Кроют, вот, тебя! На, дурак! Прочти газету! Чтобы чорт тебя замял!

Подошел Епишка к свету и газету робко взял.

А теперь судите сами: увидал старик в упор, как газету вверх ногами взял неграмотный селькор!

Трель

ГОРЬКО!..

Рис. А. Радакова

— Нету для вас пива! Детям пить не разрешается!
— Да нам и не пить вовсе! Нам только опохмелиться!

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.
Ленинградский Гублит № 16575. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград Социалистическая, 14. Заказ № 3105. Тираж 80.000

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—КИТОЛОВ

Рис. Б. Антоновского *Текст А. Флита*

1. Евлампий, гордый сын земли,
Узрел соперника вдали.
От гнева захватило дух:
Втирает ей очки помбух!

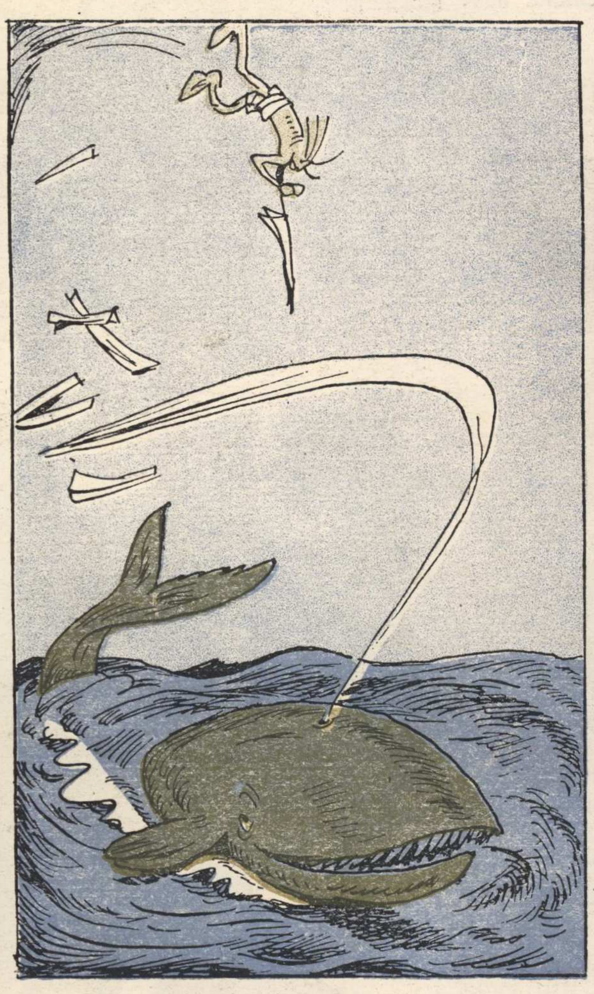
2. Евлампий век страдать бы мог,
Но случай Надькину помог:
Волненье... Крики... Суета—
Пловцы увидели... кита!

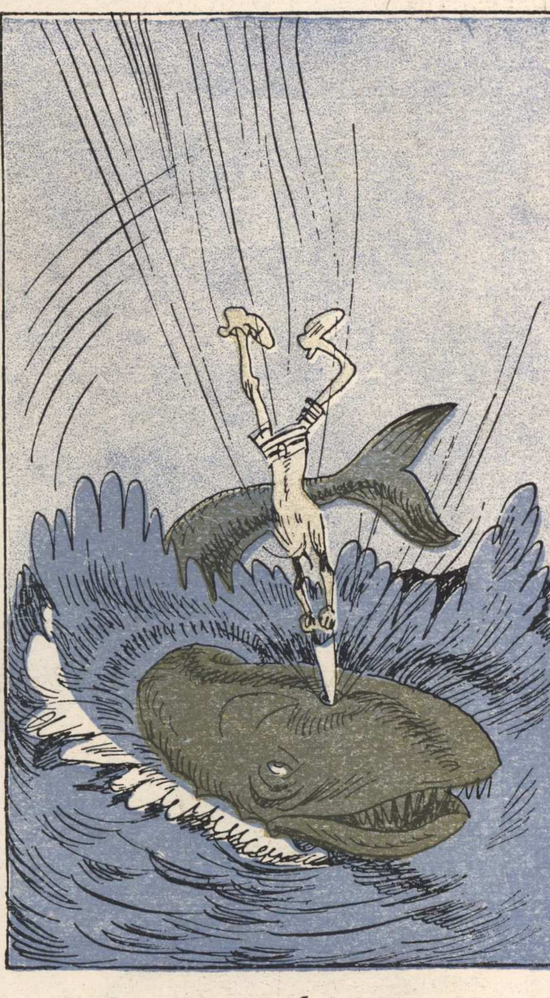
3. И час настал... Бушует кровь...
Заслужит он ее любовь!..
Евлаша мигом в лодку влез,
Спешит киту наперерез.

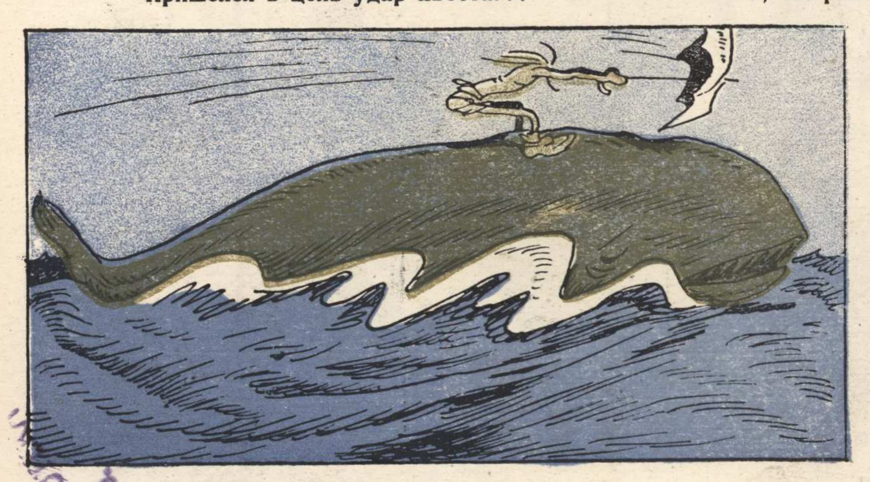
4. Атака первая кита—
Пришелся в цель удар хвоста...

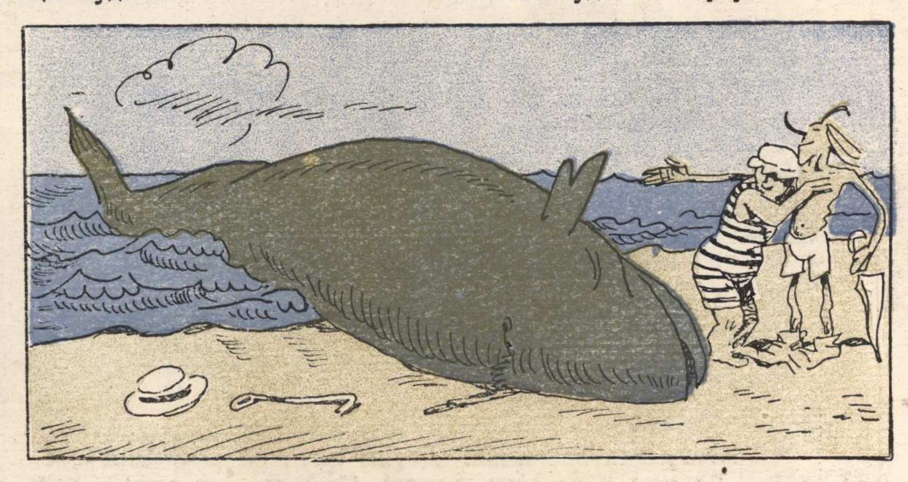
5. О, вихри дьявольской борьбы!
О, час решающий судьбы!

6. Он, увильнув в беде, как вьюн,
Вонзил в чудовище гарпун.

7. Вновь зонтик верный пущен в ход,
Плывет обратно „Китоход".
Так, без ненужных волокит,
За жабры взят могучий кит.

8. Сбежал помбух бесславно в тыл,
Евлампий в страсти не остыл
И шепчет ей, войдя во вкус:
— Вам... на корсет... китовый ус!